

го не пропадалъ и онъ поддерживалъ его чтеніемъ русскихъ писателей. Въ письмахъ къ Никитенко то и дѣло встрѣчаются отзывы о прочитанныхъ русскихъ книгахъ. Въ послѣднія 10 лѣтъ жизни у Печерина проявился большой интересъ къ материалистическимъ ученіямъ: онъ изучалъ Бюхнера, Фейербаха и др. Было ли это увлеченіе просто стремленіемъ къ знанію или означало новый духовный переломъ, сказать трудно за отсутствіемъ данныхъ для послѣднихъ лѣтъ жизни Печерина.

Скончался о. Печеринъ 17-го апрѣля 1885 года, 79 лѣтъ отъ роду, переживши всѣхъ своихъ корреспондентовъ. Похороненъ на Гласневинскомъ кладбищѣ въ Дублинѣ, неподалеку отъ могилы вождя ирландскаго національнаго движенія Даниеля О'Коннеля.

Прага Чешская

А. Изюмовъ

ПРИЛОЖЕНІЯ :

1) *Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 17-го мая 1862-го года.*

Mater Misericordiae
Hospital. Dublin. Irlande.

Monsieur,

Je suis un de vos abonnés. Je sens qu'il y a un abîme entre vous et moi, et cependant à travers cet abîme je vous tends une main de compatriote et d'ami. Je rends hommage à votre génie et j'ai quelque pressentiment qu'un grand rôle vous est réservé dans les événements qui se préparent en Russie. Avec un intérêt impossible à décrire, j'assiste de loin aux premiers mouvements de ce drame gigantesque. Je sens toute la portée de vos paroles dans le dernier N-о: «вся Русь поднимается отъ тяжелаго сна и идетъ на совершеніе судебъ, которыхъ главныя черты начинаютъ прорѣзываться изъ-за несущихъ тучъ, стѣсняющихъ облаковъ» — Je crois voir — «величавый потокъ, захватившій и влекущій все: волостное правленіе, расколъ, Ach! Mon cher Monsieur! ne serait-il pas possible de nous réunir dans une plus haute unité quelque part ou ces disputes cessent et l'on ne fait plus qu'aimer? — Mais n'importe — malgré la divergence des opinions, tout homme, qui par parole ou par action contribue à la régénération de ma patrie, est sûr d'occuper une place distinguée dans ma pensée et dans mon coeur.

Avec cette assurance permettez moi de me signer Monsieur
Votre très humble serviteur et compatriote
Vladimir Petchérine, Aumonier de l'hôpital «Mater Mi-
sericordiae».

2) Черновикъ письма А. И. Герцена В. С. Печерину отъ
21-го мая 1862-го года.

21 мая 62. Орестьевка

Ваше письмо привело меня въ большое затрудненіе. Я
считаю необходимымъ откровенно объясниться, представляя
вамъ съ еще большей откровенностью сказать ваше мнѣніе.

Съ 1853, когда я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ вами
въ St.-Кларат и написать вамъ два письма я потерялъ васъ
изъ виду и узналъ только мелькомъ объ васъ изъ газетъ, ког-
да вы жгли книги и Писанія въ Ирландіи.

Съ тѣхъ поръ я напечаталъ ваши стихотворенія, Поли-
кратъ Самосскій и пр. Многіе желали знать объ васъ и я въ
той же Пол. Зв. напечаталъ отрывокъ изъ моихъ Записокъ,
въ которомъ говорится о нашемъ свиданіи и къ которому я
приложилъ ваши два письма, въ русскомъ переводѣ. Это было
въ началѣ 1861. Оскорбительнаго для васъ нѣтъ ни слова,
но весь духъ статьи такъ противоположенъ по духу, что я не
знаю, не раскаетесь ли вы, что написали мнѣ ваше письмо,
(полное) лестныхъ выраженій для моей дѣятельности.

Разрѣшите мнѣ этотъ вопросъ письмомъ или молчаніемъ
— и я готовъ вамъ писать о громадныхъ надеждахъ Россіи,
о томъ, куда она идетъ — о ея свѣтской будущности.
О духовной я ничего не знаю — и могу только молчать.

Если же вы будете строго судить, что я въ моихъ Запискахъ
приложилъ ваши письма, я смиренно приму замѣчаніе ваше,
и скажу только, что я тоже въ своихъ Запискахъ напечаталъ
письма Гюго, Карлейля, Мишлэ. — Между людьми открыто
дѣйствующими на своихъ путяхъ, не можетъ быть чисто при-
ватныхъ сношеній.

Позвольте.....

Какъ я подумаю, насколько мы, Русскіе, двинулись съ
того времени, какъ мы говорили съ Вами въ Клампфъ, стано-
вится широко на сердцѣ.

3) Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 23-го мая
1862-го года.

Mater Misericordiae
Hopital. Dublin. 23 Mai 1862.

Mon cher Monsieur,

Je voudrais bien vous répondre en russe, mais comme il
s'agit de m'exprimer avec le plus de précision possible, vous

me permettez de me servir encore une fois d'une langue étrangère.

Non, je ne regrette pas de vous avoir écrit ma dernière lettre du 17 Mai. Mais je vous dirai avec cette franchise qui, je crois, sied à mon caractère, que j'ai bien des fois regretté et que je regrette encore de vous avoir écrit les deux lettres de 1853. Elles étaient, dictées par un zèle qui n'était pas selon la raison. J'écrivais en écolier j'ai appris bien des choses depuis ce temps la — au moins j'ai appris à être plus charitable. Je n'ai nulle envie d'entrer en controverse avec vous. J'ambitionne seulement l'honneur de serrer affectueusement la main d'un compatriote distingué. Je ne me plains pas de ce que vous ayez publié mes lettres: je n'ai rien à cacher; et j'applaudis à votre principe: «Между людьми открыто дѣйствующими на своихъ путяхъ не можетъ быть чисто частныхъ сношеній».

Je n'ai jamais lu vos mémoires. N'ayant de correspondance qu'avec mon vieux père, qui ne s'occupe pas de la question présente, je ne savais rien de ce qui se publie en Russie. Jugez de mon étonnement en recevant le premier numéro du Kolokol: là j'ai vu dans les annonces qu'à vous seul vous non crée une littérature toute entière: les livres qui sont annoncées formeraient déjà une jolie bibliothèque russe. Aussitôt que mes moyens le permettront, je ferai venir l'un ou l'autre volume par W. Kelly, Grafton Street, qui a des livres dans toutes les langues. C'est par son entremise que je reçois le Kolokol:

Окончу по Русски. Вижу подымается заря великаго дня; но восходы вашего краснаго солнца мнѣ не видать.

Желаю вамъ успѣха въ вашемъ великомъ предпріятіи; пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Вашъ соотечественникъ В. Печеринъ.

4) *Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 26-го мая 1862-го года.*

Mater Misericordiae
Hospital. Dublin. 26 Mai.

Mon cher Monsieur,

Je m'empresse de vous remercier et de votre bonne lettre et du volume que vous m'avez envoyé. J'en ai déjà parcouru quelques pages, et j'avoue que depuis longtemps je n'ai rien lu avec plus d'avidité: c'est le mot. J'entends avec plaisir que le Kolokol va désormais être publié toutes les semaines: ce sera assez pour me tenir au courant de tout ce qui se passe en Russie.

Je ne puis pas prendre au sérieux les menaces de l'infame police russe. Nous disons en Anglais: they bully you. Ils veulent

tout simplement vous faire peur. Du reste, n'oubliez pas que vous êtes le sol classique de la liberté et qu'un cheveu de votre tête ne peut tomber aussi longtemps que vous êtes sous l'égide de la constitution anglaise.

Agréez, Monsieur, l'assurance des sentiments affectueuses de Votre dévoué serviteur

V. Petchérine.

5) Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 1-го августа 1862-го года.

Mater Misericordiae. Dublin.
1-го августа. 1862.

Милостивый Государь,

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за вашу интересную книжку. Я ее читалъ и перечитывалъ. Одну статью я особенно изучалъ: это «Русскіе, Нѣмцы и пр.». Это чрезвычайно глубоко, потому что чрезвычайно справедливо.

Я получилъ «Полярную Звѣзду» за 1861 годъ и прочелъ вашу статью обо мнѣ. Я одно только замѣчу: съ *вашей точки зрѣнія*, вы совершенно правы; но есть въ человѣческомъ сердцѣ глубины, которыхъ, можетъ быть, вы еще не изслѣдовали. Впрочемъ ваша статья ни на одну іоту не уменьшила того высокаго и искренняго уваженія къ вашему таланту и трудамъ, которое я старался выразить въ моемъ первомъ письмѣ. Съ живѣйшимъ участіемъ читаю вашъ журналъ и вполнѣ радѣляю ваши и вашего сотрудника мнѣнія касательно освобожденія крестьянъ съ землею и благословляю ваши благородныя усилія въ пользу свободы совѣсти. — Ну что же Россія? Она, кажется, какъ разслабленный, ждетъ движенія воды: когда же сойдетъ Ангелъ съ неба и *возмутитъ* это (sic)! застоялую воду. Тысячелѣтіе приближается. Пора намъ удивить Европу.

Пріимите увѣреніе того искренняго уваженія, съ которымъ пребываю навсегда.

Милостивый Государь

вамъ преданный Владиміръ Печеринъ.

P. S. Видѣли ли вы «Oeuvres choisies de P. Tchaadaeff publiés par I. Gagarin?»

Издатель прислалъ мнѣ экземпляръ. Сожалѣю только, что онъ нашелъ нужнымъ напечатать письмо къ Бенкендорфу. Мнѣ кажется эта записка не дѣлаетъ чести ни Чаадаеву, ни нашему поколѣнію вообще.

6) Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену (м. б. Н. П. Огареву) отъ 10-го марта 1863-го года.

47, Dominick Street Dublin.
10-го марта.

Любезнѣйшій Соотечественникъ,

Читая васъ — особенно *Былое и Думы* — я снова выучился по-Русски, и потому пишу на родномъ языкѣ. Можетъ быть вы ошибаетесь, когда думаете что мое приношеніе пришло изъ *инаго* стана. Ахъ забудемъ эти различія — Das Jahrhundert ist meinem Ideale nicht reif: ich lebe nie Eürger derar, welche kommen werden — Безъ сомнѣнія, я читаю *Общее вѣче* и я совершенно убѣжденъ, что въ настоящее время никакое государственное устройство не возможно безъ неограниченной свободы совѣсти. Я даю вамъ полную волю напечатать отъ кого вы получили тотъ фунтъ, и признаюсь — горжусь, что моя посылка № I. Если обстоятельства позволяютъ я пришлю черезъ мѣсяць ту же сумму.

Не могу описать Вамъ, какое живое участіе всѣ принимаютъ здѣсь въ героическомъ возстаніи поляковъ. Мы знаемъ — и радуемся что все духовенство на сторонѣ народа. Говорятъ, что папа очень хорошо отвѣчалъ Русскому посланнику въ Римѣ. Надѣюсь, что Пія IX не обманутъ какъ обманули несчастнаго Григорія XVI въ дѣлѣ поляковъ.

Остаюсь вамъ искренно преданный В. Печеринъ.

P. S. Я долженъ замѣтить, что теперь не принадлежу ни къ какому обществу — я просто независимый членъ католическаго духовенства.

7) Письмо В. С. Печерина Н. П. Огареву отъ 13-го марта 1863-го года.

Dominick Street. Dublin
13 марта 1863.

Любезнѣйшій Соотечественникъ,

Вы не совсѣмъ мнѣ чужой. Я познакомился съ вами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Я очень хорошо помню того бѣлокураго юношу, котораго нѣмецкій дядька чуть не утонулъ (sic!) въ Москвѣ-рѣкѣ. Ну такъ вотъ видите, что мы старые знакомые. Я читалъ съ большимъ вниманіемъ ваши статьи въ *Полярной Звѣздѣ*, *Колоколѣ* и *Общемъ Вѣчѣ*, и признаюсь люблю ваше свѣтлое прямодушное русское слово.

Но скажите пожалуйста, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете что католическая вѣра и гражданская свобода не совмѣстимы. Неужели вы раздѣляете пошлый предрасудокъ, что католическій священникъ необходимо долженъ быть абсолютистомъ и врагомъ свободы. Здѣсь по крайней мѣрѣ, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Я не принадлежу ни къ какой *господствующей церкви*, и скажу вамъ откровенно, что, въ моихъ глазахъ, это было бы величайшее несчастье для католической церкви, если бы она гдѣ нибудь, въ какомъ либо государствѣ была господствующею. Ей лучше быть, какъ она есть теперь въ Англии и въ Америкѣ. Впрочемъ время приближается и можетъ быть оно не далеко, когда католическая церковь принуждена будетъ броситься въ объятія демократіи: тогда начнется для нея новая жизнь и она въ мощныхъ объятіяхъ народа обновитъ свою орлиную юность. Между тѣмъ останемся каждый при своихъ вѣрованіяхъ и послужимъ родинѣ по силамъ. Запишите меня въ число старообрядцевъ, раскольниковъ, духоборцевъ, квакеровъ — какъ хотите; и какъ вы имъ даете полную свободу остаться при своихъ вѣрованіяхъ, то ту же свободу дайте и мнѣ; и потому что я католическій священникъ, не лишайте меня права называться Русскимъ и сочувствовать и, по силамъ, содѣйствовать людямъ «Земли и Воли». «Земля и Воля» въ моихъ глазахъ высокій идеалъ общественнаго устройства; я очень внимательно читалъ ваши превосходныя статьи объ этомъ предметѣ, я признаюсь, вовсе не понимаю, какое тутъ можетъ быть противорѣчіе съ догматами католической вѣры. Да развѣ это земное благоденствіе, которое вы хотите упрочить, не можетъ гармонически сочетаться съ надеждою будущаго вѣка. Мнѣ кажется, что даже необходима надежда будущихъ благъ для того, чтобы не закиснуть въ китайскомъ благосостояніи. По крайней мѣрѣ, согласитесь, что въ Польшѣ католическая вѣра есть главный источникъ героическихъ подвиговъ народа.

Ахъ, если бы вы знали исторію моей жизни, вы бы увидѣли въ ней чудный логическій путь провидѣнія. Вашъ другъ въ письмѣ къ русской дамѣ сказалъ: «какъ же вѣрить». А я скажу: «какъ же не вѣрить, когда непобѣдимая сила принуждаетъ васъ къ тому. Отъ утробы моей матери я вѣрилъ въ незримое, искалъ и любилъ его. Я жаждалъ истины и правосудія. Какъ не вѣрить, когда я слышалъ, такъ сказать, шелестъ этой невидимой силы вокругъ себя *ausichtbar sichtbar neben mir*. Въ степяхъ южной Россіи, я часто слѣдилъ за заходящимъ солнцемъ, бросался на колѣни и простиралъ къ нему руки: «туда, туда, на западъ», — кричалъ мнѣ внутренній голосъ.

Въ 14 лѣтъ я прочелъ и выучилъ наизусть слѣдующіе стихи Шиллера:

Noch in meines Lebens Senge
War ich, und ich wandert'ans
Und der Jugend froehle Zaenge
Sich ich in das Vateres haus
All mein Erbtheil, meinem Horbe
Warf ich froehlich glaubend him
Und am leichtere Pilg aushorbe
Zog ich fort mit Kindessin.

Вся моя жизнь есть ничто иное какъ развитіе этихъ двухъ куплетовъ.

Однажды я сидѣлъ на вершинѣ Вогезскихъ горъ, голый сирота, безъ копѣйки въ карманѣ и въ нищенской блузѣ — но весело вѣрилъ (*froehlich glaubend*), что невидимая рука ведетъ меня куда то, къ высокой цѣли, и что я страдаю за искупленіе рода человѣческаго. Я все прочелъ — черезъ все прошелъ, все испыталъ. Я прочелъ *Das Leben Jesu* у Straus отъ доски до доски, я изучилъ Библию на еврейскомъ языкѣ съ комментаріями нѣмецкихъ рационалистовъ. Я читалъ Мишеле, Жоржъ Зандъ и доселѣ храню, какъ драгоценное достояніе, письмо этой великой женщины къ одной Ирландской монашенкѣ. Я былъ добросовѣстнымъ Сень-Симонистомъ, фурьеристомъ, коммунистомъ и логическимъ путемъ, безъ всякаго *внѣшняго* вліянія, дошелъ до католицизма. Два года тому назадъ, я разорвалъ всѣ мои прежнія связи и бросился въ Картезіанскую пустыню во Франціи, не долго тамъ остался; потомъ провелъ нѣсколько времени у Трапистовъ въ Ирландіи: мнѣ рѣшительно хотѣлось заживо похоронить себя, но не успѣлъ: живость моего духа преодолѣла. Я не могъ жить безъ службы человѣчеству — и теперь служу страждущему человѣчеству и раздѣляю труды Сестеръ Милосердія въ больницѣ *Mater Misericordiae*.

Я выхожу изъ могилы и вижу разсвѣтъ Русскаго дня
Но что же мнѣ тутъ дѣлать. Я вспоминаю стихъ Горация:

Vitae summa brevis spem nos vetut inevare longam

Не знаю, какъ и почему мнѣ вдругъ припомнились стихи Жуковскаго, которые я читалъ 30 лѣтъ тому назадъ — и они часто шевелятся въ моей головѣ

Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани
И роковой пробьетъ отчизны часъ,
Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
Во плачь преобразишь побѣдный часъ...

Боже мой. Какое безуміе. Мнѣ 55 лѣтъ. Это долженъ быть старческій бредъ, лепеть второго младенчества. Какъ бы то ни было, я вѣрую, по священному писанію, что Богъ иногда избираетъ самыхъ презрѣнныхъ и ничтожныхъ орудіями для достиженія высокихъ цѣлей; я вѣрую, что таже невидимая рука, которая вела меня доселѣ, приведетъ меня къ желанному концу, гдѣ все разрѣшится, все уяснится и все увѣнчается. Гдѣ, когда, какъ, не знаю; но каковъ бы ни былъ мой конецъ, вы можете написать на моей могилѣ исторію моей жизни въ сихъ послѣднихъ словахъ Григорія VII:

Dilexi justitiam et odivi iniquitatem
Et propterea morior in exilio.
вамъ искренно преданный
В. Печеринъ.

8) Письмо В. С. Печерина Н. П. Огареву отъ 6-го апрѣля 1863-го года.

47 Dominick Street. Dublin.
6-го апрѣля 1863.

Любезнѣйшій Соотечественникъ,

Когда я отпразилъ къ вамъ мое послѣднее письмо, мнѣ пришло на память небольшое приключеніе, случившееся со мною въ 1839 году въ городѣ Льежъ въ Бельгій. Въ то время я былъ честнымъ Сенсимонистомъ — отпустилъ бороду, носилъ длинные волосы, былъ неопрятенъ и очень непригожъ, и такъ добродушно ожидалъ со дня на день, что вотъ придетъ пророкъ или Отецъ (le Père) и я присоединюсь къ его церкви. Иду однажды по улицѣ — попадается мнѣ на встрѣчу человекъ съ младенцемъ на рукахъ. Малютка заглядѣлся на меня какъ на какое диво, и протянулъ ко мнѣ обѣ ручки. Отецъ съ досадой и очень громко сказалъ: «Ne le regarde pas, mon enfant: c'est un fou». Эти слова врѣзались въ моей памяти: они льстили моему самолюбію: мнѣ казалось, что я страдаю за истину. А теперь такъ кажется, что тотъ былъ правъ. Вотъ поэтому то я и думалъ, что вы, прочитавши мое письмо, тоже согласитесь съ мѣщаниномъ и скажете: Laissez le, c'est un fou. Но я обманулся, и теперь мнѣ приходится двукратно васъ благодарить и за дружественное ваше письмо и за присылку вашей интересной брошюры, которую я буду читать и изучать съ глубочайшимъ вниманіемъ.

Долгъ платежемъ красенъ. Давно уже я ни къ кому не писалъ съ такимъ abandon съ какимъ пишу къ вамъ. Вы, кажется, ожидаете отъ меня категорическаго отвѣта. Да почему

же мнѣ и не дать его. Что я возвращаюсь въ русскій народъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣдь это была одна изъ причинъ, побудившихъ меня оставить пустыню. Мнѣ казалось, что священный долгъ призываетъ меня принять какое бы то ни было участіе въ возрожденіи моей родины. Отъ всей души я готовъ подписать вашу программу. Я очень хорошо понимаю, какъ католическій священникъ русской крови можетъ сдѣлаться примирителемъ враждебныхъ племенъ. Это прекрасно въ теоріи, но гдѣ же практическое примѣненіе. Какъ, гдѣ и когда? Вѣдь мы еще не въ Россіи — мы отдѣлены отъ нея китайскою стѣною. Вотъ если бы Россія была Англіею, гдѣ всякій можетъ гулять по волѣ, говорить и дѣлать что хочетъ и служить родинѣ на вольно избранномъ поприщѣ — я бы, можетъ быть, тотчасъ принялся за дѣло на свой манеръ. Но что же я могу дѣлать въ Россіи? Мнѣ кажется, вы продаете шкуру медвѣдя, а медвѣдь то еще живъ и здоровъ — смотрите, какъ онъ ломаетъ кости Поляковъ!

Впрочемъ я тоже скептикъ въ своемъ родѣ. «Концы и начала» г. Герцена напомнили мнѣ Донъ-Кихота. Вѣдь я былъ дѣйствительнымъ Донъ-Кихотомъ всю жизнь мою. Я все принималъ за чистыя деньги, вездѣ видѣлъ доблесть и красоту, а гдѣ ихъ вовсе не было, я создалъ ихъ въ моемъ воображеніи и поклонялся творенію рукъ моихъ. Сколько вѣтряныхъ мельницъ я принялъ за исполиновъ. Сколько Дульциней я обожалъ, какъ идеальныхъ принцессъ. Вотъ почему послѣ столькихъ опытовъ, мнѣ очень трудно рѣшиться на какую либо дѣятельность. Я чрезвычайно дорожу моимъ теперешнимъ положеніемъ: я живу въ совершенномъ уединеніи и совершенной независимости, — пополамъ съ наукою и дѣлами христіанской любви, я вкушаю то блаженство, въ которомъ Данте поставляетъ сущность Рая:

Luce intellectual, piena d'amore,
Amor di vero ben fien di letizia.

Но я дѣйствительно возвращаюсь въ Русскій народъ. Вотъ почему я выписалъ «Колоколъ» и вошелъ въ сношеніе съ г. Герценомъ. Я читаю «Колоколъ» — это *во-первыхъ* дань искренняго уваженія къ высокимъ талантамъ его издателей; а *во-вторыхъ* — я отъ вашей стороны ожидалъ спасенія Израиля. Мнѣ кажется, изъ всѣхъ Русскихъ студентовъ бывшихъ со мною въ Берлинѣ, я одинъ сохранилъ неизмѣнными мои политическія убѣжденія. Что я думалъ тогда, я думаю теперь. Начало моихъ религіозныхъ вѣрованій принадлежитъ къ той же эпохѣ — вы его найдете въ *Paroles d'un croyant* Ламенне. Какъ ни безтолково это Вамъ покажется, однако это правда.

Я высказалъ все, что у меня было на сердцѣ. Нужно ли еще прибавить, какъ искренни тѣ чувствованія, съ которыми я пребываю

вамъ истинно преданный
В. Печеринъ.

9) *Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 20-го апрѣля 1863-го года.*

47 Dominick Str. Dublin
20-го апрѣля 1863.

Почтеннѣйшій Соотечественникъ,

На этотъ разъ посылаю вамъ *два ленты* (2 фунта): это какъ то сообразнѣе съ Евангеліемъ. Прошу васъ принять ихъ какъ *символь* глубокаго участія, которое я принимаю въ Русскомъ Дѣлѣ — дѣлѣ *Земли и воли*. Не нужно васъ спрашивать, читали ли вы: Мишеле La Pologne? Какое глубокое пониманіе Россіи. А вѣдь я тридцать лѣтъ тому назадъ, понималъ ее точь въ точь какъ Мишеле теперь ее понимаетъ. Ваши сочиненія обратили меня въ Россію, но признаюсь иногда еще пробивается старое чувство, особенно глядя на настоящія событія. Впрочемъ подождемъ: посмотримъ что скажетъ Русскій народъ: пора ему показать себя.

Между тѣмъ пребываю
вамъ искренно преданный
В. Печеринъ.